

Окаменелое годами. / Упорно, медленно оно / В огне страстей раскалено; / Но поздний жар уж не остынет / И с жизнью лишь его покинет» (III, 525), а в первой публикации пьесы ее герои обсуждают поэму «Полтава» и, в частности, образы Марии и Мазепы.

Если наше предположение верно, то частично проясняется и тяготение повести «Дядюшкин сон» к драматическому жанру, со свойственными ей, по замечанию В. А. Туниманова, «сильными колебаниями равно в водевильную и драматическую стороны».¹¹ На наш взгляд, вступая в диалог с драматическим произведением, Достоевский преднамеренно внес в текст повести элементы, характерные для театральной пьесы.

Итак, Достоевский, написав повесть «Дядюшкин сон», все-таки принял участие в продолжающемся споре о Пушкине, начатом еще в сороковых годах, в пору его молодости. Пьесу же Белинского «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь», как нам кажется, можно считать еще одним источником и названия, и сюжета этой повести.

¹¹ Туниманов В. А. Творчество Достоевского. 1854—1862. Л., 1980. С. 15.

© С. В. БЕРЕЗКИНА

«УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ» ДОСТОЕВСКОГО: ТРИ ТЕКСТА, ТРИ ИЗДАНИЯ

В настоящей статье речь пойдет о трех изданиях сочинений Ф. М. Достоевского: это, во-первых, издание, выпущенное Б. В. Томашевским и К. И. Халабаевым в 1926—1930 годах¹ (далее: *Изд. 1926*, по году выпуска интересующего нас произведения), во-вторых, академическое издание Достоевского² (далее: *Акад.*), в-третьих, новейшее издание, известное под названием «Канонические тексты»³ (далее: *Канон.*). Сравнение текстологических систем трех изданий на примере романа Достоевского «Униженные и оскорбленные» — вот цель предпринятого нами исследования. Для его осуществления мы выбрали одно произведение: это позволит нам предельно конкретизировать свои наблюдения и выводы, как говорится, не растекаясь мыслью по древу.

Издание в 1926—1930 годах полного собрания художественных произведений Достоевского было научным достижением, свидетельствующим о формировании в России текстологии как самостоятельной филологической дисциплины. Б. В. Томашевским и К. И. Халабаевым был впервые выявлен корпус вариантов и редакций изданных произведений Достоевского. Варианты и разночтения подавались в виде таблицы; в случае с текстом «Униженных и оскорбленных» это были четыре графы, в которых приводились варианты по изданию первому («Время», 1861), второму (издание 1861 года), третьему и четвертому (в одной графе, два издания 1865 года), наконец, пятому (1879 года); несколько объемных вариантов было напечатано в текстологической преамбуле. Особым значком (звездочкой) издатели отмечали

¹ Достоевский Ф. М. Поли. собр. художественных произведений: В 13 т. Л., 1926—1930.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972—1990.

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты. Петрозаводск, 1995—2010. Т. 1—9 (изд. продолжается).

те варианты, которые воспроизведены в основном тексте; перемещение звездочки на более раннее издание (а печатался он по последнему прижизненному изданию) свидетельствовало об исправлении, внесенном в текст романа. Всего в текст «Униженных и оскорбленных» в издании 1926 года было внесено 298 исправлений⁴ (для сравнения укажем: в *Акад.* к тексту романа было дано ровно 100 исправлений). Мы не касаемся здесь других произведений писателя в собрании сочинений, выпущенном Томашевским и Халабаевым, но и то, что очерчено нами в связи с «Униженными и оскорбленными», говорит о появлении первого научно-критического издания Достоевского.

Издание 1926—1930 годов было высоко оценено В. Л. Комаровичем: «Редакторами осуществлена большая и ответственная задача: прочно установлен окончательный авторский текст Достоевского. В предшествующих изданиях такого текста мы не имели». То, что выходило, начиная с посмертного издания, Комарович назвал «хаотическим смещением», которое искажалось «от издания к изданию орфографическими и стилистическими подновлениями. Издание Госиздата и воспроизводит впервые дефинитивный авторский текст».⁵

Последующая история показала, что текст, установленный Томашевским и Халабаевым, конечно же, не был окончательным. Л. М. Розенблюм, неоднократно издававшая «Униженных и оскорбленных», в частности в десяти-томном издании Достоевского 1956 года, отказалась от столь радикального вмешательства в текст произведения.⁶ В десятитомнике, как известно, не даются списки исправлений, поэтому трудно дать полную оценку напечатанному в нем тексту романа, но основной и наиболее сомнительный массив исправлений Томашевского — Халабаева в этом издании, как оказалось, отсутствует. По-видимому, именно работа над десятитомником привела к пересмотру оценки издания 1926—1930 годов. Неслучайно резкая критика в адрес Томашевского и Халабаева раздалась из московского научного сообщества: «Редакторами, — пишет В. С. Нечаева, — проделана большая работа по сличению прижизненных печатных изданий, разночтения которых напечатаны после текстологических примечаний (...) Не объясняется (...) чем руководствовались редакторы, выбирая разночтения то из одного, то из другого источника и включая их в публикуемый текст. Следя за звездочками, которыми отмечены предпочтенные редакторами разночтения, нельзя уловить систему, положенную в основу отбора, а бессистемность наводит на мысль о вкусовом принципе, т. е. субъективной оценке „хуже“ — „лучше“».⁷

⁴ Подсчет осуществлен нами с учетом неправильно поставленных в таблице звездочек. В ряде случаев издатели вносили в текст произведения изменения по более раннему изданию, в таблице же они были оставлены без соответствующего значка.

⁵ Комарович В. Л. Литературное наследство Достоевского за годы революции: Обзор публикаций 1917—1933 гг. // Лит. наследство. 1934. Т. 15. С. 258. Уверенность, с которой было заявлено в статье об «окончателности» установленного в издании 1926—1930 годов «авторского текста Достоевского», свидетельствует, что советская текстология находилась еще в стадии формирования. В настоящий момент вновь проявилась тенденция к пафосному утверждению неизбежности свершений одного из издательских проектов, связанных с именем Достоевского: «У нас по-прежнему текстологией занимаются те, кто не держал в руках прижизненного издания, не читал и не изучал рукописи. Исключением из этого списка современных просчетов в текстологии является изданное в 2003—2005 г. на основе опубликованных и подготовленных к печати томов Канонических текстов Полное собрание сочинений Достоевского» (Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. Петрозаводск, 2009. Вып. 1: Проблемы текстологии романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы». С. 20).

⁶ Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 1956. Т. 3.

⁷ Нечаева В. С. Проблема установления текстов в изданиях литературных произведений XIX и XX веков // Вопросы текстологии. М., 1957. [Вып. 1]. С. 84. См. также оценку текстов Достоевского в издании 1926—1930 годов как «переработку Томашевского и Халабаева» в изд.: Основы текстологии / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1962. С. 104.

Действительно, в издании 1926—1930 годов нет преамбулы с объяснением операций по восстановлению дефинитивного текста. Однако человек, занимающийся текстологической работой, не мог не понять, что в основе выбора «предпочтенных редакторами разночтений» лежала программная книга Томашевского, вышедшая в 1928 году и освещающая особенности подготовки текста классического произведения к печати⁸ (ее, кстати, неоднократно упоминала в ходе полемики с Томашевским Нечаева). Вся сводка исправлений по тому или иному произведению в издании 1926—1930 годов прочитывалась только в контексте теоретических заключений автора этой книги. Она и писалась, по-видимому, как «оправдание» методики, применявшейся Томашевским в 1920-х годах, в ответ на критику в адрес издания Достоевского (так, в рецензии Н. Зеленова на первый том Достоевского текст «Бедных людей» был назван «сборной селянкой из различных изданий»)⁹.

По-видимому, не без влияния этой критики Томашевский впоследствии изменил свое отношение к изданной им книге. В преамбуле «От редакции» ко второму ее изданию (осуществлено в 1959 году И. Н. Медведевой и Б. М. Эйхенбаумом) сообщалось о позиции автора: «Просто переиздать мою книгу 1928 года (...) невозможно, так как за тридцать лет сделано в этой области очень много, чего нельзя обойти молчанием»; по указанию редакции, «он надеялся предпринять такой труд, освободившись от многих литературных обязательств». Это, однако, должна была стать другая книга, которую Томашевский намеревался посвятить обобщению «многoletнего опыта подготовки и издания произведений русской классической литературы».¹⁰ Из этих сообщений редакции становится ясно, что в 1950-х годах Томашевский не допускал даже мысли о переиздании «Писателя и книги». Тем не менее это было сделано, поскольку осуществить свое намерение Томашевский не успел: он скоропостижно скончался в 1957 году.

* * *

К 1950-м годам в отечественной текстологии произошел решительный поворот. От изданий классики, в особенности академических, начинают ожидать единообразия (в частности, в подходах к выработке основного текста). Предполагается, что усилиями ученых должен быть установлен некий единый (канонический) текст того или иного произведения, который будет потом тиражироваться в массовых изданиях. Г. М. Фридлендер в предисловии к академическому собранию сочинений признал издание 1926—1930 годов (наряду с четырехтомником писем Достоевского) «лучшим в текстологическом отношении» (*Акад.* т. 1, с. 8). Тем не менее академическое издание не пошло по пути, проложенному Томашевским. «Можно лишь гадать, — пишет В. Н. Захаров, — почему этот бесценный текстологический опыт Б. Томашевского не в полной мере учтен при редакционной подготовке последнего Полного собрания сочинений в 30-ти томах (...) Могу предположить, что у наших предшественников не было достаточно эффективной методики подготовки текстов писателя» (*Канон.* т. 1, с. 11—12).¹¹ Между тем

⁸ Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. Л., 1928.

⁹ Красная новь. 1926. № 5. С. 243.

¹⁰ Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 3.

¹¹ Речь здесь идет о книге Томашевского. Но почему не об издании 1926—1930 годов, где этот «текстологический опыт» был применен с беспрецедентным в истории изданий Достоевского размахом? В трудах петрозаводской текстологической школы нет анализа достижений и промахов этого издания, хотя оно было непосредственным предшественником «Канонических текстов».

трудно представить, что в Пушкинском Доме кто-то мог не знать текстологических работ Томашевского или не быть, что называется, в курсе той громкой полемики, которую они вызвали¹² (кстати, она продолжается и поныне, но в отношении не Достоевского, а Пушкина). У Г. М. Фридендера и Б. В. Томашевского была одна совместная работа — рецензия на академическое издание Гоголя.¹³

Консультантом академического издания Достоевского по текстологическим вопросам был Н. В. Измайлов — это одно из самых славных имен в отечественной текстологии, тончайший, великолепнейший специалист в области подготовки изданий русских классиков (а он работал вместе с Томашевским не в одном издании, особенно тесно в пушкинском). Текстологическая система академического издания Достоевского отвечала научным требованиям своего времени, в контексте которого издание Томашевского — Халабаева не могло не быть признано устаревшим. Не случайно Б. М. Эйхенбаум в статье «Текстологические работы Б. В. Томашевского» назвал его книгу 1928 года «естественным завершением первого периода советской текстологии».¹⁴ Было ли это справедливо? Чтобы не быть голословными, проанализируем одну из сторон методики Томашевского, а именно — систему его исправлений текста на примере «Униженных и оскорбленных».

Методика Томашевского (как и всякого другого текстолога) была нацелена на распознавание опечаток и искажений текста. Опираясь на особенности работы наборщика и корректора, он выстроил систему типичных ошибок набора и — соответственно — корректуры:

1. неверное чтение похожих букв;
2. «угадывание» слова с заменой в нем внутренних букв, чаще всего суффиксов;
3. замена слов равнозначными словами;
4. замена непривычного оборота речи более привычным;
5. перестановка слов;
6. дополнение сокращенных выражений (может — может быть);
7. замена одной грамматической формы равнозначной (же — ж);
8. пропуски с соединением в строке похожих слов;
9. пропуски отдельных букв;
10. пропуски коротких (не более трехбуквенных) слов;
11. пропуски фрагментов из-за наличия в предложении повторяющихся слов;
12. замена отдельных букв (пунктуационных знаков) из-за сходства очертаний;
13. замена слова находящимся по соседству;
14. перестановка коротких слов;
15. корректорская правка авторской речи, с заменой народных форм литературными;
16. правка, вызванная непониманием авторского текста.¹⁵

Именно на основе этих положений Томашевский вносил исправления в тексты Достоевского. Та же методика, правда, без конкретизации, стала основной при издании «Канонических текстов»: «Наша методика анализа раз-

¹² Отзвук этой полемики см. в редакторской преамбуле: *Томашевский Б. В. Писатель и книга*. С. 3.

¹³ См.: *Томашевский Б. В., Фридендер Г. М. Академическое издание сочинений Н. В. Гоголя // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1952. № 1. С. 49—60.

¹⁴ *Томашевский Б. В. Писатель и книга*. С. 18.

¹⁵ См.: Там же. С. 32—66.

ночтений со всей наглядностью позволяет выявить типичные опечатки и ошибки» (*Канон*. т. 1, с. 12). Еще раз подробнейшим образом программные положения Томашевского изложены в новейшей коллективной монографии, вышедшей в Петрозаводске.¹⁶ Поскольку создатели «Канонических текстов» считают, что текстологи, работавшие в академическом издании, методикой по выявлению неочевидных опечаток не владели, попробуем, пытаясь опровергнуть это утверждение, обнаружить примечательную общность текстологической работы в этих, столь не похожих друг на друга, изданиях. И сказывается она прежде всего в том, что единодушно не приняли в исправлениях *Изд. 1926* и академическое издание, и «Канонические тексты». Итак, вот таблица 1, в которой в левом столбце приводятся исправления основного текста по *Изд. 1926*, а в правом те же фрагменты по изданиям *Акад.* и *Канон.*, не решившимся ввести исправления в текст, признав тем самым, что это и не опечатки, и не корректорские погрешности.

Таблица 1

1. состоявшей из одной маленькой прихожей	1. состоящей из одной маленькой прихожей
2. Особняк соблазнил меня	2. Особняк соблазнял меня
3. Сто душ погибли	3. Сто душ погибло
4. надобно очаровать	4. надо очаровать
5. Я писал об этом	5. Я написал об этом
6. слышавший в первый раз	6. слышавший первый раз
7. всматривалась в мои губы	7. всматриваясь в мои губы
8. И оставить это всё	8. И оставить всё это
9. не погубишь себя, Наташенька	9. не погубишь себя, Наташечка
10. интригант	10. интриган
11. Он вот поклялся	11. Он вот поклянется
12. что я знаю, что простить меня	12. что я знаю, простить меня
13. он и прежде	13. он прежде
14. тороплив, порывист	14. тороплив и порывист
15. дрожащую ручонку	15. дрожащую ручонку
16. и что и Бог не простит	16. и что Бог не простит
17. всегда-то он так со мной	17. всегда-то он такой со мной
18. Ну, да ведь ты наши обстоятельства знаешь. После обеда	18. После обеда
19. в щелочку (щелочка такая есть)	19. в щелку (щелка такая есть)
20. лучше б была партия	20. лучше была бы партия
21. (и забыла вам рассказать)	21. (я забыла вам рассказать)
22. что вы с ней делаете	22. что вы над ней делаете
23. и приехать к тебе	23. и приехал к тебе
24. Что же ты хочешь рассказывать?	24. Что же ты хочешь рассказать?
25. наставить что ль самовар?	25. поставить что ль самовар?
26. А то, что я не хочу	26. А то, что не хочу
27. не хочу ни от кого отличаться... одним словом, изложил ему все эти здравые идеи...	27. не хочу ни от кого отличаться
28. да и тот только в Москве	28. да тот только в Москве
29. я был тогда еще мальчик	29. я был тогда еще мальчиком
30. завтра же и я должен	30. завтра же я должен
31. Я видал его	31. Я видел его
32. вполне подчиниться	32. вполне подчиняться

¹⁶ Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. С. 33—35.

На этом прерываем перечень, хотя в ходе нашего исследования мы обнаружили в текстах *Акад.* и *Канон.* сходство в неприятии исправлений *Изд. 1926* еще более чем по семидесяти позициям. Подводя итог, мы можем утверждать, что из трех сотен исправлений *Изд. 1926* по тексту «Униженных и оскорбленных» два совершенно разных издания не приняли треть — более ста позиций! С одной стороны, это говорит о том, что критика издания 1926—1930 годов была вполне обоснованной, и методика Томашевского, скажем прямо, носила субъективный характер. С другой стороны, встает вопрос: если каждое из отвергнутых исправлений подходит под один из типов опечаток, описанных в книге Томашевского, то тогда почему «Канонические тексты», объявившие о своем следовании в русле этой системы, не приняли их? Или у этого издания другие текстологические основания? Но какие? И в чем их отличие от теоретических положений Томашевского?

Вглядимся, что в «Канонических текстах» принимается за «опечатки» и нейтрализуется посредством исправлений. Вот сводка совпадающих в *Изд. 1926* и *Канон.* исправлений — они даются слева, справа приводится текст по *Акад.* (исправлений этих в нем нет).

Таблица 2

1. когда я и перед ней не открылся	1. когда я перед ней не открылся
2. между тем я и пришел для нее	2. между тем и пришел для нее
3. три недели не видались!	3. три недели не видались!
4. не спуская с меня глаз	4. не спускала с меня глаз
5. Можно и не уходить из дому	5. Можно не уходить из дому
6. Только из дому-то не выходи!	6. Только из дому-то не уходи!
7. приносил ей известия	7. приносил ей известие
8. Но что с тобой, Наташа?	8. Ну что с тобой, Наташа?
9. Но вряд ли и это будет средством	9. Но вряд ли это будет средством
10. А то, что я не хочу никакой другой невесты	10. А то, что не хочу никакой другой невесты
11. ну, так вот и дайте же мне досказать	11. ну, так вот и дайте мне досказать
12. Она стояла слегка опершись на стол	12. Она стала, слегка опершись на стол
13. а будет время и о поэзии поговорим	13. а будет время, о поэзии поговорим
14. как будто чуть не проговаривала	14. как будто чуть не проговорила
15. Даже и теперь, когда вспоминаю о ней	15. Даже и теперь, когда я вспоминаю о ней
16. перед круглым столом, накрытым скатертью	16. перед круглым столом, покрытым скатертью
17. Вот привез еще гостя	17. Вот привел еще гостя
18. С ней начинался жар и бред	18. С ней начался жар и бред

Прервем этот перечень. Всего в текст «Униженных и оскорбленных» (*Канон.*) введено 102 исправления, совпадающие с *Изд. 1926*. В таблице 2 мы, отобрав, привели лишь те из них, которые касаются однобуквенных слов или минимальных изменений словарных форм. В действительности же эта часть текстологического аппарата *Канон.* намного сложнее. Наш анализ показал, что отсеянными (по сравнению с *Изд. 1926*) оказались в первую очередь исправления с однобуквенными словами и минимальными изменениями словарных форм (правда кое-что осталось и в *Канон.*, о чем свидетельствует таблица 2), там же, где дело касалось слов большего объема или целых выражений, исправления из списка *Изд. 1926* оказались соответствующими списку *Канон.* Тем не менее у текстолога, просматривающего таблицу 2, не может не возникнуть вопрос: в чем принципиальная разница между забракованными исправлениями (см. таблицу 1) и теми, которые, вслед

за *Изд. 1926*, сохранили свои позиции в *Канон*. в тексте «Униженных и оскорбленных»?

Конечно, речь здесь идет о скрупулезном контекстном анализе фрагментов, включающих в себя подлежащие исправлению, как полагают создатели *Канон*., слова и выражения из последнего прижизненного издания Достоевского. Поскольку мы убедились в том, что «Канонические тексты», вопреки программным заявлениям, далеко не во всем следуют положениям Томашевского, нам нужна работа, которая могла бы объяснить суть методики этой текстологической школы. Чем она руководствуется, соглашаясь с оценкой Томашевского, видящего в том или ином выражении «опечатку», или не соглашаясь с ним? Вот перед нами первый выпуск петрозаводского издания «Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского» (2009). В этой книге М. В. Заваркина, Т. А. Радченко, А. И. Солопова и Н. А. Тарасова сделали ряд интереснейших наблюдений над текстами Достоевского. Из нее можно понять, на каких основаниях принимается этим научным коллективом решение об исправлении той или иной «опечатки». Оставляя в стороне то, в чем мы согласны с авторами, остановимся (для пользы науки!) на сомнительных моментах. «По варианту „Русского вестника“ прочитывается более сложный интонационно-смысловый рисунок»; «Частица „и“ здесь необходима, поскольку не только делает высказывание экспрессивно окрашенным, но влияет на семантику фразы в целом»; «Утраченный (...) союз „и“ (...) делает ответ более многозначительным»; «...более уместна синтаксическая конструкция с *повторяющимся* перечислительным, а не с *соединительным* союзом „и“»; «Повторение глагола (...) придает больше экспрессии сцене...»¹⁷ — вот основания, которые мы выбрали в этой книге почти наугад, но подряд (для экономии места).¹⁸ Нетрудно заметить, что речь здесь идет об улучшении текста — выборе наиболее выразительных вариантов. И теперь мы можем объяснить нечто важное в методике петрозаводской текстологической школы. Почему она разошлась с Томашевским в оценке целой трети (сотни!) разночтений по тексту «Униженных и оскорбленных»? У Томашевского была система, основанная на четкой теории опечаток набора и корректорских погрешностей. Он правил их систематично! Не то в «Канонических текстах»: малозначительные расхождения, не дающие видимого улучшения текста (из той самой сотни), не рассматриваются в *Канон*. и уходят в варианты, если же есть возможность подправить (улучшить!) произведение, то начинается работа по обоснованию такой поправки.

Результаты этой работы хорошо видны на той группе исправлений, которые есть в *Канон*., но отсутствуют в *Изд. 1926* (и соответственно в *Акад.*). Создатели «Канонических текстов», отказавшись видеть в огромной части исправлений Томашевского опечатки, увидели другие — те, которые создатель этой методики не заметил. Вот один из примеров такого рода. В первопечатном тексте романа читалось: «Послезавтра Светлое Воскресенье, Христос воскрес, все целуются и обнимаются, все мирятся, все вины прощаются...» В следующих изданиях исчезли слова «Светлое Воскресенье». В *Изд. 1926* и *Акад.* их отнесли к вариантам, в *Канон*. (т. 4, с. 859) — вернули в текст. На каком основании? «Послезавтра Христос воскрес, все целуют-

¹⁷ Там же. С. 44—46.

¹⁸ Наше внимание привлёк пассаж, связанный с поправкой фразы из «Преступления и наказания»: «Иисус же, опять скорбя внутренно, проходит ко гробу». Обосновывая поправку к слову «проходит» (предлагается: «приходит») по принадлежавшему Достоевскому Евангелию (!), исследователь пишет: «...„прийти ко гробу“ означало „приблизиться к пещере, в которой гроб“. Таким образом, Иисус еще не мог быть внутри пещеры и пройти ко гробу» (Там же. С. 55). Читая это пояснение, можно подумать, будто была пещера и в ней стоял какой-то гроб (уж не деревянный ли?) Лазаря.

ся...» — как органично, просто это звучит в устах девочки! Здесь вполне можно увидеть правку автора, который захотел убрать оттенок какой-то религиозной важности, придав речи детскую наивность, простоту. Критерий вкуса, как можно увидеть на этом примере, весьма шаток. Поэтому лучше к нему не прибегать, исправляя произведения Достоевского.¹⁹

Еще более интересная группа исправлений в *Канон* связана с наборной рукописью «Униженных и оскорбленных» 1861 года (от нее сохранилась только одна глава). По этой рукописи в *Канон* (т. 4, с. 852—853) даны в тексте четыре пунктуационных исправления. То есть Достоевский видел гранки первого издания, затем еще четырежды публиковал свой роман, но все это, весь его издательский труд перечеркивается исправлениями современного издателя. Между тем еще в начале 1960-х годов было решено: «...необходимо идти от анализа основного текста к предшествующим редакциям, а не наоборот; заменять, исправлять надо то, что в основном тексте неверно, а не то, что просто не соответствует чтению в предшествующих источниках, даже если эти источники автографы».²⁰ На наш взгляд, оснований для внесения пунктуационных поправок в текст «Униженных и оскорбленных» по рукописи 1861 года нет никаких.

Раздел вариантов имеет в петрозаводском издании весьма неожиданный заголовок: «Варианты прижизненных редакций». Существуют авторитетные издания как прижизненные, так и посмертные — это понятно. Но разве может быть редакция не прижизненной («посмертной»)? Для представитель петрозаводской текстологической школы всё является прижизненной редакцией, в том числе — основной текст (именно поэтому его можно переделывать посредством рукописи 1861 года). Между тем понятие «редакция» требует к себе самого бережного отношения. Если его относить к прижизненному изданию с несколькими десятками вариантов, то как выпутаться из терминологической невнятицы, когда придется говорить о различных рукописных редакциях (краткой, пространной и т. п.)? Как описывать историю текста сложного, большого романа Достоевского? Но поскольку нигде в «Канонических текстах» речи об истории текста (иначе: творческой истории) не идет, то можно относить к любому тексту понятие «редакция».

Итожа наши наблюдения, приходится признать, что методика Томашевского не является каким-то сверхнадежным инструментом к выявлению огрехов набора и корректуры. Книга Томашевского стала классическим трудом по текстологии, но пользоваться его методикой по выявлению опечаток

¹⁹ Другой пример: «...и вдруг с удивлением заметил, что она была в шубейке (я только что купил ей шубку у знакомой старухи)...» (1861) — в следующих изданиях слово «шубку» исчезло. Основания для этого исправления были настолько ясны текстологам в *Изд. 1926* и *Акад.*, что первоначальный фрагмент единодушно был отправлен в варианты. Не то в *Канон* (т. 4, с. 859), где слово «шубку» почему-то вернули в основной текст. Подобного рода примеры из петрозаводского издания можно приводить и приводить.

²⁰ Основы текстологии. С. 318. Мы намеренно не касались в своей статье термина «канонический текст», который имеет как своих сторонников, так и противников (мы принадлежим к последним). Но именно пример с исправлениями текста издания 1879 года по наборной рукописи 1861-го говорит с наибольшей убедительностью о негативной стороне этого термина в трактовке петрозаводской школы: почему текст называется «каноническим», если за скобками остается жизненный опыт писателя, дело его жизни? Между тем представители московской текстологической школы, приложившие столько сил к разработке этого понятия, видели в каноническом тексте нечто иное: это «подлинно авторский текст в его последней редакции, общепринятый для всех изданий этого произведения на данной ступени изучения источников текста» (Там же. С. 282).

нужно с большой осторожностью. Что же касается тенденции к улучшению текста Достоевского, которая, с нашей точки зрения, проявилась в *Канон*. со всей определенностью, то полемика здесь едва ли уместна.²¹ Авторитетные труды по текстологии предполагают иную направленность работы: «Думается, что ошибку, допущенную переписчиком (сюда же можно отнести и наборщика с корректором) и не замеченную автором, можно усматривать только в том случае, если получившийся в результате этого текст обесмыслен, или ему придан другой смысл, или, наконец, в нем нарушены какие-то определенные грамматико-стилистические нормы, прочно утвердившиеся в языке».²² Подобного рода установки определили конечные выводы теоретиков и практиков текстологии, которые Д. С. Лихачев выразил следующим образом: «...бессознательным (т. е. ошибкой рукописи, набора или корректуры) изменение текста признается только тогда, когда исчерпаны все возможности объяснить изменение в тексте сознательными, целенаправленными намерениями автора, редактора или переписчика».²³ Ошибкой изменение текста признается только тогда, когда нет никаких веских оснований признать его изменение намеренной правкой одного из творцов текста. В этом смысле мы можем говорить о примате для текстолога сознательных изменений перед бессознательными».²⁴ В этом же русле двигалась и московская текстологическая школа: «...во всех случаях исправления основного текста следует иметь в виду: *opus probandi* — тяжесть доказательств — лежит на том, кто предлагает править основной текст, а не на том, кто стремится его сохранить».²⁵

Улучшая текст «Униженных и оскорбленных», «Каноническим текстом» не удалось достигнуть «эффекта» Томашевского — Халабаева. То, что было напечатано в виде «Униженных и оскорбленных» в *Изд. 1926*, — это «лучший» (наиболее красивый!) текст романа из всех когда-либо появлявшихся в свет, очищенный от всех мыслимых и немыслимых «опечаток».²⁶ Но вопрос в другом: существовал ли когда-либо в реальности такой текст Достоевского? Не только не существовал, но и не мог существовать. Такова наша точка зрения, поскольку весь объем «опечаток» в *Изд. 1926* не может получить стопроцентного уверения в том, что это не были исправления, одобренные, хотя бы посредством просмотра, Достоевским. И даже если список исправленных опечаток уменьшить на треть, как это сделано в *Канон.*, вопросы остаются, и они не позволяют отнести к этому изданию с полным доверием.

²¹ Здесь мы позволим себе сделать небольшое замечание. В разности школ, которая обнаруживается при сравнении *Акад.* и *Канон.*, нет ничего заведомо неконструктивного (не потеряло же своей научной ценности такое оригинальное издание Достоевского, как издание 1926—1930 годов!) — до тех пор пока не начинаются одно- или двусторонние «военные действия». Более десяти лет Пушкинский Дом отталчивался по поводу петрозаводского издания Достоевского, возглавляемого авторитетным в *российском научном сообществе* ученым, и это несмотря на многочисленные уколы и, скажем прямо, некорректные высказывания с той стороны в адрес академического издания. Академическая текстологическая школа не будет менять своих принципов, как, по-видимому, и петрозаводская. Это надо иметь в виду, говоря о двух типах изданий Достоевского — академическом и неакадемическом.

²² Основы текстологии. С. 317.

²³ А такие возможности, надо признать, безграничны. Особенно если иметь в виду право автора сделать со своим текстом все, что угодно, — ухудшить его (с нашей точки зрения) и даже сжечь.

²⁴ Лихачев Д. С. Текстология: Краткий очерк. М.; Л., 1964. С. 24—25.

²⁵ Основы текстологии. С. 312.

²⁶ В списке исправлений *Изд. 1926* есть исправления, которые мог предложить только такой интересный исследователь и прекрасный знаток языка, как Томашевский: «сто душ погибли», «надобно очаровать», «интригант», «рассерженный», «наставить (...) самовар», «ты кровопивца», «ушибен» (вместо «ушиблен»).

Чтобы закрыть вопрос об исправлениях в «Униженных и оскорбленных», следует сказать несколько слов о соотношении их списка в изданиях *Акад.* и *Канон.* Все исправления текста из *Акад.* фигурируют в списке исправлений *Канон.* Если быть абсолютно точными: весь объем исправлений в *Акад.* присутствует и в *Изд. 1926.* То есть это был тот самый «сухой остаток» от трех сотен исправлений Томашевского — Халабаева, который ни у кого не вызвал сомнения. Мы не хотим быть односторонними, «превознося» одно издание над другим, поэтому скажем и о недостатках академического издания. К ним относятся, в первую очередь, следующие: наличие опечаток в самом тексте романа (к сожалению, более трех десятков), списке исправлений, отделе «Варианты прижизненных изданий», наконец, комментарии. Опечатки эти разного рода (особенно в списке исправлений и вариантов), но что нельзя не отметить: ни одна из этих опечаток не прокралась в «Канонические тексты».

В целом, текстологическая система *Акад.* выглядит достаточно крепкой, взвешенной; исправления в текст вносятся при наличии полной уверенности в том, что это необходимо и оправдано. Там же, где есть сомнения, остается текст последнего прижизненного издания. Следует признать, что после выхода *Акад.* «образцового» издания Достоевского, которое могло бы убедить текстологов академической школы в необходимости изменения текстологической системы издания, не появилось. Это касается и такой области, как не оговариваемое в комментарии исправление самоочевидных опечаток. Вообще этот разряд опечаток — самая подвижная часть текстологического аппарата. Самоочевидные опечатки постоянно находятся в движении, мигрируя в разных изданиях из не оговариваемых редактором исправлений в список исправлений или же отдел вариантов. Самый большой объем исправлений такого рода (самоочевидные опечатки) находится в издании Томашевского — Халабаева (напомню: мы по-прежнему говорим об «Униженных и оскорбленных»). В *Акад.* из сотни исправлений восемь представляют собой, если взять текст *Изд. 1926,* самоочевидные опечатки, которые Томашевский и Халабаев не вносили в список разночтений и вариантов. С нашей точки зрения, их появление в списке исправлений *Акад.* не вполне оправдано. Тем не менее эти исправления, по-видимому, не только надо оставить, но и добавить к ним еще некоторые, поскольку стремление к «прозрачности» издания является одной из тенденций современной текстологии. В целом же, введение в комментарий всего объема самоочевидных опечаток ломает структуру академического издания, поэтому не может быть признано целесообразным. Сейчас есть возможность просто сослаться на *Канон.*, где, в числе исправлений, дан и список такого рода опечаток.

О диктате издательских редакторов, менявших пунктуацию прижизненных изданий Достоевского, уже говорилось в одной из статей, посвященных второму академическому изданию, к подготовке которого приступил Пушкинский Дом.²⁷ Издательские редакторы первого академического издания менялись, происходили изменения и в подходах текстологов к подготовке текстов, поэтому то, что оказалось возможно, например, в томе третьем (с «Униженными и оскорбленными»), где напечатано в соответствии с текстом Достоевского «яркий, розовый луч», было совершенно исключено в томе первом. В списке исправлений *Канон.* значительную часть составляют поправки, касающиеся пунктуации. Почти везде они совпадают с текстом «Униженных и оскорбленных» в *Изд. 1926,* где это делалось без вынесения

²⁷ См.: Багно В. Е., Рак В. Д. О втором издании Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского // Русская литература. 2009. № 3. С. 61.

их в список разночтений и вариантов. Этой традиции, что определялось и всеми основополагающими трудами по текстологии, последовало академическое издание. В настоящий момент вполне уместна ссылка на перечень пунктуационных вариантов в *Канон*. Исчезновение издательско-редакторского диктата позволяет изменить ряд решений по проблемам пунктуационного характера, поскольку текст «Униженных и оскорбленных», на наш взгляд, находился в слишком большой зависимости от последнего прижизненного издания. При этом следует отметить, что требование сохранения пунктуации Достоевского, исходящее от создателей «Канонических текстов», не учитывает всех достижений в области изучения речевого интонирования. Часто, когда мы не сохраняем в тексте «беззаконную», с современной точки зрения, запятую Достоевского, она проявляется в интонационном рисунке фразы, поскольку иначе русский человек прочитать (или произнести) эту фразу не может. Сохранение же «беззаконной» запятой нередко приводит к интонационному утрированию, когда ломается естественная интонация русской речи. А кто докажет, что Достоевский ожидал именно этого интонационного утрирования, а не естественного течения русской речи со свойственными ей в определенных позициях паузами, логическими ударениями, подъемами-понижениями и прочими интонационными фигурами? Достоевского инсценируют, экранизируют, записывают в чтении новых и новых актеров. Поэтому пунктуация представляет собой дело большого культурного значения. Достоевский, подобно всем пишущим людям, интонировал, несомненно, все, что выходило из-под его пера. В нынешней же интерпретации пунктуация фраз в тексте *Канон* нередко поражает своей чужеродностью законам интонирования русской речи.

Один из вопросов, который встает при подробном знакомстве с «Каноническими текстами», связан с адресацией этого издания. Ни одно из академических изданий не было до такой степени выключено из процесса, так сказать, простого человеческого чтения, в то время как по «Каноническим текстам» никто, конечно, Достоевского читать не будет; нет в нем ни одной творческой истории по какому-либо из произведений писателя; нет и комментария, который представлял бы собой продвижение вперед по сравнению с изданием академическим (за исключением т. 7). Если текстологией создатели «Канонических текстов» занимались только ради текстологии, то тогда где же пригодные для чтения тексты? Ни одна здравомыслящая мать не даст своему сыну читать «Преступление и наказание» по «Каноническим текстам», поскольку это издание окончательно отвратит его от чтения и порушит все представления, столь необходимые в жизни, об орфографии и пунктуации.²⁸ Следует признать, что ни один из классических писателей не оказывался из-за усердия текстологов в столь большой удаленности от своей читательской аудитории. «Достоевский» превращен в какой-то музей, куда следует заглядывать для уяснения узкоспециальных, высокоумных текстологических вопросов. После появления сведений о втором издании

²⁸ Мы не хотим, чтобы нас отнесли к сторонникам приближения академических изданий к потребностям школы (подобный подход выражен, например, в изд.: Петушков В. Литературный язык и писатели // Звезда. 1956. № 10. С. 162—171). Но, думаем, среди достижений академического издания Достоевского следует с гордостью назвать его востребованность в среде школьных учителей, которые прибегают к нему с большой охотой. Вот так русская академическая наука должна выполнять свой общественный долг, неся свет знаний в широкие круги заинтересованных читателей.

Достоевского на один из сайтов Института русской литературы пришло с Поволжья письмо, в котором заинтересованный читатель с тревогой спрашивал, не будет ли новое издание дано в виде «Канонических текстов»? Российский читатель обеспокоен тем, что «всю науку» заполнили не удобные для чтения тексты и неглубокие, поверхностные комментарии.

Создатели «Канонических текстов» понимают специфичность своего издания, поэтому предупреждают (или же с гордостью отмечают): «Примеры орфографических вариантов в текстах Достоевского, — сообщается в преамбуле к вариантам «Униженных и оскорбленных», — представляют богатый материал для лингвистов. Поскольку орфография находилась в тесной взаимосвязи с грамматикой, орфоэпией, стилистикой, то картина употребления орфографических вариантов раскрывает господствующие тенденции в развитии русского литературного языка XIX века в целом» (*Канон.*, т. 4, с. 753). Но смогут ли лингвисты разобраться в сложной системе исправлений к текстам, поскольку просто цитировать произведения Достоевского по этому изданию опасно?

В 1958 году Д. С. Лихачеву пришлось давать ответ на следующий вопрос: «В каких случаях издание памятника должно быть единым для лингвистов, историков и литературоведов и в каких случаях следует издавать памятники отдельно для лингвистов и отдельно для историков и литературоведов?» По мнению Д. С. Лихачева, «пользуясь научным изданием памятника, особенно важно знать, кем приготовлен текст — историком или лингвистом, чтобы правильно представить себе, из каких данных он исходил, устанавливая текст; эти данные не могут быть целиком изложены в археографическом введении к публикации: надо знать методику текстологической работы, которая различна в различных дисциплинах». Лихачев считал, что издания должны быть «полностью соответствующими требованиям различных научных дисциплин, что возможно только тогда, когда издания будут иметь вполне конкретного адресата, будут учитывать требования каждой научной дисциплины». Здесь же он призывал: «Об удобствах цитирования в научных трудах необходимо всегда заботиться, издавая памятник. Если издавать его со всеми его орфографическими, графическими особенностями (...) то как же его цитировать? Ведь текст придется упрощать, истолковывать...»²⁹ Применительно к «Каноническим текстам» о таких «удобствах» и говорить не приходится.

Текстолог не имеет права становиться неким препятствием между писателем и читателем. Нет у него таких полномочий. Он может только проложить путь от автора к читательской аудитории. В этом — его призвание, его культурная миссия (если, конечно, он не является носителем культуры постмодерна: не читаете — ну и не нужна вам книга, для себя издадим). В. Н. Захаров пишет об академических изданиях, среди которых упоминает Достоевского: «Сегодня они не вполне авторитетны».³⁰ Но тогда какие же авторитетны? И как нарабатывается этот авторитет? Можно издать все тексты писателя и назвать издание полным — другой редактор издаст не все тексты, но на обложке напишет: полное...³¹ Можно прокомментировать все тексты подробнейшим образом и дать изданию титул «академическое» — а другой редактор академический комментарий в десять раз сократит и будет

²⁹ Материалы к VI Международному съезду славистов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1959. Вып. 2. С. 199.

³⁰ Захаров В. Н. Вечная правда Достоевского // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 18 т. М., 2003. Т. 1. С. 365.

³¹ См. об этом: Буданова Н. Ф. К спорам о втором издании Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского // Русская литература. 2010. № 2. С. 33.

превозносить свое издание повсеместно... Есть и другие способы повышать свой авторитет. Вот перед нами полное собрание сочинений Достоевского в 18-и томах (2003—2005), в котором «Канонические тексты» «переведены» на современную орфографию (но не пунктуацию). Обычно издания, печатающие тексты с ранее вышедшего, ссылаются на это издание где-то в начале (в изданиях советского периода: на контртителе) и, как правило, один раз (или в начале каждого из томов). Создатели восемнадцатитомника ссылаются на «Канонические тексты» в примечании к каждому произведению писателя («печатается по»), причем эта ссылка занимает место первоисточника (т. е. прижизненного издания Достоевского). Это не просто «пиар» своего издания или издательско-редакторский промах — это канонизация «Канонических текстов». Между тем еще в 1960-х годах при обсуждении проблемы канонического текста было решено, что таковым тот или иной критически выверенный текст делает научное сообщество, дающее высокую оценку достигнутого при его выработке.³² Д. С. Лихачев при этом многозначительно заметил: «Обычная практика объявлять свой, подготовленный текстологом текст каноническим обличает нескромность текстолога».³³

³² «Нормативность, ненарушимость канонического текста вовсе не означает, будто он устанавливается неким декретом, точно также как не определяется он и тем, что текстолог в предисловии к своему изданию скажет: „Я установил здесь канонический текст“» (Основы текстологии. С. 283—284).

³³ Лихачев Д. С. Текстология: Краткий очерк. С. 82.

© И. Д. ЯКУБОВИЧ

СТИЛЕВЫЕ ПРИЕМЫ КОМИЧЕСКОГО В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ СТРОЕ «ЗАПИСОК ИЗ МЕРТВОГО ДОМА»

Научная литература о многообразии и своеобразии комического в творчестве Ф. М. Достоевского достаточно велика. О природе комического в «Бедных людях» и «Двойнике» в 1840-х годах писал уже В. Г. Белинский.¹ Огромный вклад в изучение проблемы внесли Ю. Н. Тынянов, М. М. Бахтин, Р. Г. Назиров, М. С. Альтман и исследователи последних лет.² Все они пытаются доказать, что стихия комизма, наряду с изображением трагического, пронизывает весь художественный мир писателя. «Жизнь полна комизма», — писал Достоевский.³ Формы выражения комического у писателя охватывают все основные его виды и жанры: пародию, сатиру, гротеск, бурлеск, фарс и т. д.

Известно, что основополагающей задачей для Достоевского, при создании того или иного произведения, была проблема выработки формы, поиск стиля повествования. Стилевые приемы комического при этом в отдельные периоды творчества были различны, имели свое развитие. Так «грустно-смешные», по определению Н. Т. Ашимбаевой, формы комического в «Бедных людях» проистекают из различных стилистических диссонансов,

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 9. С. 543—566.

² Наиболее полную библиографию см.: Кунильский А. Е. Смех в мире Достоевского. Петрозаводск, 1994. С. 5—22.

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972—1990. Т. 30. Кн. 1. С. 122. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.